

Сам факт существования библиотек —
это лучшее свидетельство того,
что у человечества все-таки есть будущее.

Т. С. Элиот

Кентукки, 1936 г.

Девушка и ее мул заметили это одновременно. Уши скакуна встали торчком, он затормозил, да так резко, что заскользили передние копыта, и съехала корзинка, из которой выпали книги. Вылетевшая струя грязи ударила наезднице прямо в глаза. Животное едва могло смотреть куда-либо, кроме тела, маячащего перед ним.

Пристально вглядываясь в ту же точку, книжная дама потянула поводья и ударила пятками по бокам мула. Обнажив крупные зубы, зверь в знак протеста задрал морду, поглощая пряный и ароматный воздух, и по безмятежным горам раскатом пронесся рев.

Девушка застыла на месте и еще сильнее натянула поводья.

Раскачиваясь из стороны в сторону, на толстой ветке висел мертвец. Из-за сильного натяжения скрипела веревка, туго обхватившая его шею. К покойнику уже слетелась стая гриф-индеек, жадно сующих свои уродливые оголенные головы к бездыханному телу; на увядающую траву падали черные тени суетившихся птиц.

Раздались странные крики, заставившие девушку перевести остолбеневший взгляд с трупа на выжженную землю.

За огромным перевернутым бидоном в грязи лежал ребенок, его искаженное лицо разрывалось от яростного плача.

Преображая воздух, горный ветерок лениво поглощал весь смрад и уносил вдаль. Ветка ломилась от тяжести груза. Окровавленный чулок медленно скользил по обмякшей ноге лазурного цвета. Закрыв рукой рот, девушка устала на ярко-синее тело. Чулок полностью сполз и аккуратно приземлился рядом с головой кричащего младенца.

Ветер кружил, пытаясь унести его за собой, но тот словно врос в землю и упрямо не двигался с места — непосильная ноша для обычного летнего бриза.

Подняв глаза, книжная дама притянула темнеющую руку ближе к синему лицу, словно сравнивая собственный цвет кожи с повешенным страдальцем. Она внимательно осмотрела свое темно-синее тело и, набравшись смелости, мельком взглянула на труп, который теперь навечно останется здесь, подобно черному дубу, безвозвратно пустившему корни в старейшие суровые земли штата Кентукки, из которого многие так безнадежно пытались сбежать.

ГЛАВА 1

Едва миновало пятнадцать часов с наступления нового года в Беспокойном ручье, как отец, выйдя из хижины, поставил на крыльцо свечу для свиданий, задрав фитиль подозрительно высоко.

Он был полон надежд. Предвкушая, что в этом, 1936 году его единственная дочь, девятнадцатилетняя Кюсси Мэри Картер, выйдет замуж, оставив наконец Конную библиотечную службу. Последний жених должен был сделать ей предложение.

— Кюсси, — через плечо обратился ко мне отец. — Я обещал маме добиться достойной жизни, но такими темпами скорее разорюсь на этих свечах, попытаюсь помочь тебе. Хотя ладно, пусть еще погорит. — Взявшись за изогнутую ручку, он поднял выше старый подсвечник из кованого железа, несколько раз поправив деревянную подложку, из-за чего фитиль то поднимался, то опускался вниз вдоль спирали.

— Но у меня достойная жизнь, — тихо возразила я и, выйдя вместе с ним на улицу, села в деревянное

кресло, укрывшись стеганным одеялом. Первый день января принес тонкий слой снега на порог нашего дома, стоявшего в заливе. Па опустил свечу и зажег висящую на крыльце лампу.

На свет прилетели две пяденицы, немного покружились и успокоились, сев неподалеку. Пары чистого талого снега смешались с источаемой деревом легкой дымкой, которая окутывала наше скромное жилище. Дрожа от холода, я с головой накрылась одеялом, пока пронизывающий ветер скоблил горы, проносился сквозь сосны и черные голые ветки, образуя ласкающий ухо свист.

Через минуту Па поднял свечу, провел пальцем по фитилю и выпятил подбородок: на его лице промелькнуло еле заметное одобрение.

— У меня хорошая работа, которая приносит нам двадцать восемь долларов в месяц. Я развожу книги, а ведь они так нужны людям в наших краях.

— Но я уже вернулся на шахту, теперь она работает в обычном режиме.

Па зажал фитиль.

— Я им все еще нужна.

— Я переживаю за тебя. От такого холода можно умереть, как твоя мама. У меня никого не осталось, Кюсси. Ты последняя из нашего рода. Единственная.

— Па, прошу, перестань.

Он протянул руку и поправил прядь моих волос, упавших на лоб.

— Не хочу видеть, как ты скачешь на этом старом муле по опасным перевалам, темным ущельям и холод-

ным бухтам просто потому, что правительство хочет продвигать свои дурацкие книжонки в нашем крае.

— Это безопасно.

— Ты можешь заболеть. Вспомни, что случилось с той библиотечаршей и мулом. Полное безрассудство. Бедному животному пришлось горько расплачиваться за ее авантюры.

Снег падал быстрее, хлопья кружили в порывах ветра, вихрем уносящего их со двора, украшенного листьями.

— Это было давным-давно. У меня шустрый мул, и он прекрасно чувствует себя на дороге. Я тоже абсолютно здорова, как и большинство людей. — Но темные руки коварно выдавали меня своим синим оттенком. Пришлось их спрятать в складках одеяла, чтобы остаться совершенно спокойной. — Ну, пожалуйста. Это хорошие деньги.

— Где же твоя благопристойность? Девушки жалуются, что ты таскаешься по горам с грязными книжками.

— Неправда. Я развожу вполне приличную литературу, — пыталась я объяснить уже не первый раз, — «Робинзон Крузо», Диккенс и многое другое, а еще журналы «Популярная механика» и «Домашний компаньон женщины». Брошюры с советами по починке вещей. Выкройки. Кулинарные книги и книги по уборке. Очень полезные и нужные вещи. Приличные.

— Опять за свое. Неприлично ездить верхом по горам и вести себя как заправский мужик, — пробурчал отец грубым голосом.

— Взрослые и дети становятся образованнее. — Я указала пальцем на небольшой мешок с журналами в углу, которые необходимо разнести в ближайшие несколько дней. — Помнишь статью из «*Нэшнл Джиографик*» о родине прадеда? О французском местечке Кюсси? Меня еще называли в честь этого города. Тебе же понравилось тогда.

— Ты, черт возьми, заслужила это имя, и теперь заставляешь меня ругаться из-за своего же упрямства. Мне не нужна жалкая бумажка с набором букв, чтобы узнать о твоём имени или месте рождения родственника. Мы с мамой вполне хорошо жили и без этого. — По-прежнему переживая за огонь свечи, отец, задумавшись, приподнял бровь и изменил высоту фитиля. Все, как обычно, зависело от пришедшего жениха и желания хозяина поддерживать пламя в старом подсвечнике.

Па перевел взгляд на ручей, вернулся к свече, а затем снова, уже более пристально, стал рассматривать берег. Тихо ворча себе под нос, он мучительно думал, что делать с фитилем, стоит ли его поднять, опустить пониже или оставить где-то посередине. С одной стороны, большой фитиль дольше горит и продлевает встречу, с другой — он быстрее потухнет для любого жениха, которого Элайджа Картер не сочтет подходящей партией.

— Народу нужны книги. А моя работа — удовлетворять аппетиты людей, голодных до знаний.

— Женщина должна хранить домашний очаг, — он поднял свечу.

— Но, если я выйду замуж, УОР меня уволит. Прошу. Я библиотекарь. Даже сама Элеонора Рузвельт одобряет.

— В отличие от моей незамужней дочери, первая леди США не занимается мужской работой, волоча свою задницу по ухабистым горным дорогам.

— Люди хотят учиться, — я снова мельком взглянула на руки и потеряла их под одеялом, — а книги просто созданы для этой цели.

— Людям куда важнее иметь еду на столе. Многие голодают и болеют. В том числе и дети. Старики умирают. Мы в буквальном смысле сосем лапу в этих краях. Почти две недели назад вдова Каролина Барнс впустую прошла девять миль, чтобы спасти своих малышей.

Бедная женщина кое-как добралась до города и скончалась на его улицах. Тело было в сыпи от пеллагры. Я много раз видела, как у голодающих выпадает такая сыпь. В прошлом месяце одна женщина из ущелья потеряла пятерых из двенадцати детей, а еще месяцем ранее в том же районе дальше по горе умерла целая семья.

— Но люди говорят, что книги облегчают их страдания. Это самое лучшее, что с ними происходило в жизни, — парировала я.

— Картинка курицы, напечатанная на странице, не спасет их, — возразил Па, тряся фитиль и пытаясь меня уговорить. — А это, — он слегка ударил кулаком по подсвечнику, — это тебе и нужно.

Чересчур задранная свеча отчаянно показывала свою наготу, что вызывало смущение. Теперь и я заметила тревожность в серых глазах Па.

Очень долго я разделяла страхи отца относительно дальнейшей судьбы его единственной дочери, но это продолжалось ровно до того дня, когда стало известно о социальной программе Рузвельта «Новый курс», направленной на поддержку населения во время Великой депрессии. Наш народ страдал чуть ли не со времен моего рождения, но сейчас правительство внезапно вспомнило о нас и предложило свою помощь. В прошлом году президент приказал Управлению общественных работ штата Кентукки нанимать женщин разносчиками литературы и предметов искусства. Для многих жителей горных районов, то есть для всех нас, это был первый опыт взаимодействия с библиотекой, который доставлял удовольствие и пробуждал еще больший интерес.

В городе я увидела объявление о работе, в котором требовались женщины для конной доставки книг. В нем ничего не было сказано о цвете кожи, в том числе о моем. Спустя месяц после смерти матери я втайне от отца заполнила анкету и получила должность в Конной библиотечной службе.

— И они дали работу, тебе? — Па был ошарашен, узнав об этом прошлым летом.

Я не стала рассказывать ему о том, как обошла проверку, отправив заявление через почтовое отделение. По условиям заявки человек мог обратиться к заведующему библиотекой своего города либо отправить документы напрямую в Конную библиотечную службу, которая базировалась во Франкфорте. Уж лучше

попытать счастья с незнакомыми мне людьми, нежели доверяться начальству Беспкойного ручья.

— Что, других не нашлось? — спросил отец. — Ты не можешь работать, — тут же добавил он.

— Па, нам нужны деньги, а эта работа хорошо оплачивается и...

— Работающая женщина никогда не выйдет замуж.

— Да кто меня такую возьмет, синюю? Кто захочет?

Я была уверена, что никто не станет связывать себя узами брака с одним из *Синих людей штата Кентукки*. Что никому не нужна тихоня, чьи губы и ногти цвета голубой сойки, а оттенок кожи напоминает васильки, растущие в наших краях.

Мне не хватало смелости смотреть людям в глаза, ведь в противном случае страх мог выдать мои истинные чувства. Обычный стыд, проблеск радости, вспышка гнева или внезапный испуг медленно, но верно окутывали кожу, постепенно покрывая все тело, и в результате мое спокойное лицо заливалось краской цвета зрелой черники, что вынуждало собеседника в спешке ретироваться. Вырисовывалась не самая радужная перспектива семейной жизни для последней женщины из синего горного рода, обманувшей людей со всего Содружества и даже врачей. *Здоровая девушка с оттенком кожи, как у всем известной синей васильковой стрекозы, обитающей повсеместно в заливах штата Кентукки*, — к такому выводу пришел озадаченный старый доктор, тут же окрестив меня Васильком. С первой же секунды эта кличка прижилась.